

⁴¹ Голев Н. Д. Заметки об условно-символической номинации в русском языке // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск. 1980. Вып. 9. С. 49.

⁴² Мирер Е. С. Названия улиц и кварталов Нового Орлеана // Микротопонимия. М., 1967. С. 108.

М. Н. Нечай

Свердловск

СЕМАНТИКА ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ТЕРМИНА И ЕГО УПОТРЕБИТЕЛЬНОСТЬ В ТОПОНИМИИ

Географический термин и топоним очень тесно связаны друг с другом, так как первый квалифицирует объект, а второй выделяет его из ряда подобных. Поэтому вполне естественно, что географическая лексика составляет основную группу имен существительных, участвующих в построении топонимов. В этом плане не является исключением территория лесных районов Среднего Прииртышья (на отрезке Тобольск — Тара), ставшая объектом нашего наблюдения. Данный регион, относящийся к зоне самого раннего русского освоения Сибири, характеризуется преимущественно равнинным ландшафтом, обилием рек, озер и низких заболоченных мест.

Около 85% от общего количества терминов, зафиксированных на указанной территории, — а всего их встретилось 210 — представлено в составе топонимов с большей или меньшей частотностью. Однако более 15% (т. е. почти шестая часть) слов, обозначающих географические объекты, ни разу не были зафиксированы в топонимах. Такой факт, как нам представляется, заслуживает внимания, тем более, что лексика, последовательно не употребляющаяся в географических именах, есть на любой территории, однако вопрос, почему в топонимической номинации наблюдается такая избирательность, до сих пор не получил сколько-нибудь удовлетворительного объяснения.

Заметим, что лексика, не употребляющаяся в топонимах, не является чужеродной, не свойственной диалекту, на базе которого формируется топонимия. В большинстве случаев это слова, имеющие довольно широкое распространение в микрорегионе, а иногда и далеко за его пределами. Почему же такого рода слова последовательно отвергаются топонимической системой?

Сам факт отторжения при топонимической номинации определенного круга апеллятивной лексики говорит о том, что послед-

няя еще не закрепились прочно в географической терминологии или вовсе не принадлежит к ней. Крайне редко входят в состав топонимов лексемы с нечеткой, размытой семантикой, не имеющие, а только развивающие смысловой оттенок «конкретное место». Приведем примеры.

Ботка (Усть-Ишимский, Вагайский р-ны) — специфически местное, сибирское слово. Фактов параллельного функционирования подобной лексики на других, включая смежные, территориях нами не обнаружено. В Прииртышье зафиксировано в нескольких значениях: 1) густая озерная растительность, через которую лодка не проедет (*В нашем озере вечно ботка нарастает, не пройти не проехать*); 2) ил, густая грязь на озере, через которую нельзя проехать на лодке (*На каждом болотном озере есть така гушша, ботка, лодка в ей застреват*); 3) грязь, топкое место, трясина (*Ботка шибко топесь-то и есть*). Нужно отметить, что наиболее широкое распространение это слово получило в третьем значении, хотя, как видно из примеров, не утрачены и другие, нетерминологические значения. Кроме того, данное слово в семантическом плане имеет в Прииртышье много «конкурентов», выступающих в единственном значении (ср.: *топка, топесь, тягун*, а также литературные термины с той же семантикой). Это обстоятельство, конечно, отнюдь не способствует топонимизации лексики *ботка*, хотя она достаточно употребительна и хорошо прижилась в лексической системе диалекта (о последнем говорит хотя бы тот факт, что слово не однажды зафиксировано в производном варианте *ботковитый* «заболоченный, топкий»). При топонимической номинации важен именно какой-то один, конкретный признак, наименование которого в говоре и становится ключевым словом или атрибутивом географического имени [1].

Не употребляется в топонимии и слово *няша*, распространенное на колоссальной территории от русского Севера до Восточной Сибири в значении «жидкая грязь, непроходимое место на дорогах, слякоть» (саам. *niašš* «грязь, мусор»). На территории Прииртышья, кроме этого значения, существуют и другие, приближающие данное слово к географическому термину: «топкое, вязкое место на низких площадях после половодья» (Усть-Ишимский, Вагайский р-ны); «околоболотное пространство» (Усть-Ишимский р-н), но и там оно не встречается в топонимах.

Могут ли такого рода лексемы когда-нибудь стать материалом для топонимической номинации? Безусловно. Но для этого им нужно утратить все нетопографические значения. Можно прогнозировать, что слово *ботка* в будущем смогло бы перейти в разряд «топонимических» терминов, так как в значении «растительность» «грязь» оно распространено гораздо уже, чем в значении «топкое место». Что же касается слова *няша*, то здесь дело обстоит совсем по-другому. Ситуация обратная: слово это имеет большое

распространение именно в нетопографическом значении, поэтому предполагать, что последнее сведется когда-нибудь к нулю, не приходится.

Можно привести случаи, когда лексика с как будто бы размытой семантикой входит, и даже очень активно, в состав топонимов. Примером тому служит слово *согра*, имеющее множество различных, иногда взаимоисключающих значений, но в то же время активно участвующее в топонимообразовании (СРГСУ, 6, 36). Однако это лишь кажущееся противоречие: ведь все значения слова *согра* четко базируются на одном и том же понятии «географический объект, место», а потому подобная многозначность не препятствует топонимизации термина.

Трудно проникают в топонимию и термины, появившиеся в результате развития словом переносного значения. Большей частью это метафорические, образные названия географических объектов, основанные на значении «по сходству с каким-либо предметом или явлением». Несомненно, данная группа слов тесно связана с предыдущей, однако она имеет, на наш взгляд, некоторую специфику. Приведенные выше примеры иллюстрируют развитие значений терминов в рамках семантического поля «географический объект» (ср. в случае *ботка* «грязь на озере» —> «грязное место на озере или болоте»). Что же касается образных, метафорических географических терминов, то, как правило, исходные значения слов, положенных в их основу, никоим образом не связаны с местностью, локальной привязкой. Рассмотрим примеры подобной лексики:

Корчага — устар. рус. и укр. «глиняный сосуд с узким горлышком» (ССРЛЯ, 5, 1479); в говорах — оренб. «круглая яма, котловина» (Мурзаев, 292); ср.-урал. «глубокое место на реке» (СРГСУ, 2, 51). На территории Прииртышья встретилось *корчажина* в значении «яма на болоте» (*Гледи, кака корч'а жина, палка вся утопла*) — Вагайский р-н.

Лофтак — ср.: волог. *лафтак* «лоскуток, обрывок тряпки»; сиб. «обрывок, лоскут, клочок (кожи, материи)»; иркут. *лафтак*, *лахтак* «небольшой участок земли» (СРНГ, 16, 294).

В Прииртышье зафиксировано в значении «заполье, высокие участки поля» (*Косить-то негде, разве лофтачки маленьки по-за полям*) — Вагайский р-н.

Мадежи — ср.: сиб. «пятна на теле, лице»; горноалт. «облака» (СРНГ, 17, 290); ср.-урал. *мадежистой* — «покрытый пятнами» (СРГСУ, 2, 111).

Кроме указанных, на территории Прииртышья встретилось в значении «плешины, безрастительные участки на лугу» (*Нечё косить-то было, травы не родилось, одне мадежи, залысины таки на полях*) — Усть-Ишимский р-н; «поляны, просеки в лесу» (*В лесу прогалины таки, здесь густо деревьев, а здесь мадежи, на этих мадежах ягоды собирают*) — Усть-Ишимский р-н.

Щетка — «приспособление для чистки, подметания и т. п. в виде плоской колодки с часто насаженной на нее щетиной или другим материалом, подобным щетине» (ССРЛЯ, 17, 1687); ср. в говорах: томск. «кочковатое место, поросшее различной травой с твердыми стеблями» (СРСГО, 3, 224).

В Прииртышье: «кочковатое место, неудобное для косьбы» (*Да ково там давали — ш ш о т к и одне, прыгаш по им, как заяц, только косу затупиш*) — Усть-Ишимский р-н.

Встречаются и другие примеры образной номинации в географической лексике. Как уже отмечалось выше, такого рода слова обычно не становятся ключевыми в топонимах. Объясняется это, очевидно, сохранением образности в географических терминах-метафорах, наличием живой связи между основным и дополнительным значением. Топонимия, будучи по природе однозначной, называющей конкретные, единичные объекты, отторгает подобный материал, тем более в ситуациях, когда выбор конкретных, однозначных слов достаточно обширен.

Вместе с тем образная номинация довольно широко распространена в топонимии, о чем свидетельствуют материалы многих исследований [2]. Приведем примеры и по нашей территории: оз. *Калачик* (Тевризский р-н); оз. *Князь* (Тевризский р-н); р. *Ось* (Тобольский р-н); ур. *Плаха* (Вагайский р-н); оз. *Полумесяц* (Усть-Ишимский р-н); ур. *Хомутина* (Тевризский р-н); лог *Верблюжья Шея* (Вагайский р-н) и др.

Подобные названия живучи только для одного, конкретного объекта и сохраняются в топонимии потому, что, образно подчеркивая неповторимую форму или красоту объектов, выделяют их из окружающей местности, что как раз и является главной задачей любого географического имени. Если в случае «нетопонимического» термина связь с топонимом может теоретически осуществиться только по цепочке «исходный апеллятив—>географический термин с переносным значением исходного апеллятива—>топоним», то при образной топонимической номинации эта связь осуществляется мгновенно и напрямую, минуя всякие промежуточные звенья: «исходный апеллятив—>топоним». Метафоричность здесь уже не препятствует, а, наоборот, помогает развитию топонимической системы.

Особое место занимают случаи, когда определенная семантическая модель «образных» географических названий оказывается достаточно частотной. Например: бывш. д. *Гребень* (Вагайский р-н), гора *Гребень* (Усть-Ишимский р-н); поле *Лопатка* (Усть-Ишимский р-н), пок. *Лопатки* (Тобольский р-н), ур. *Штаны* (Вагайский, Знаменский, р-ны), оз. *Штаники* (Тевризский р-н), бол. *Штанки* (Тевризский р-н), поле *Потаповы Штаны* (Вагайский р-н) и др.

Подобные примеры иллюстрируют явление детопонимизации топонима, превращения его в географический термин. Образное гео-

графическое имя, многократно употребляемое для номинации объектов, типичных для ландшафта той или иной местности, может терять ореол единичности, утрачивать свои «топонимические» качества и превращаться в географический термин. Если представить отношения между лексикой и топонимией в подобных ситуациях в виде цепочки, то связь будет такой: исходный апеллятив —> топоним —> географический термин.

Таким образом, явление неупотребительности терминов в топонимии имеет множество причин. Разумеется, выводы, сделанные в процессе наблюдений за функционированием лексики одного из сибирских диалектов, не исчерпывают существа проблемы. Нас здесь интересовал лишь ономаσιологический аспект: лексическая мотивация, ее развитие в процессе функционирования слова в системе говора и влияние такого развития на употребление или неупотребление слова в топонимических структурах.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Майданова Л. М.* Процесс номинации и номинативные варианты // Вопросы топониматики. Свердловск, 1972. Вып. 6. С. 4.

² См.: *Матвеев А. К.* Образное народное видение и проблемы ономаσιологической и этимологической интерпретации топонимов // Вопросы ономастики. Свердловск, 1977. С. 41; *Пахомова В. Д.* О метафорических названиях в топонимии // Вопросы топониматики. Свердловск, 1970. Вып. 4. С. 30—34; *Чайко Т. Н.* Названия частей тела как источник метафоры в апеллятивной и ономастической лексике // Вопросы ономастики. Свердловск, 1974. Вып. 8—9. С. 98—107; и др.

И. И. Муллонен

Петрозаводск

ОТРАЖЕНИЕ ТИПОВ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ В ВЕПССКОЙ ОЙКОНИМИИ

В предлагаемой статье анализируется употребление терминов, обозначающих различные типы сельских поселений, в вепсских ойконимах. Подобная постановка вопроса плодотворна в плане изучения проблем номинации и получения дополнительной информации о топообъекте.

Имеющийся в нашем распоряжении материал — около 500 наименований вепсских поселений и их частей — свидетельствует о том, что упомянутые термины выступают в составе ойконимов либо самостоятельно (деревни *Posad*, *Tanaz*, *Kond*, *Selišš*, *Сла-*